

I. Оригинальные статьи.

Психогенезисъ вѣшняго міра.

Проф. Е. А. Бобровъ.

1. Вопросъ о вѣшнемъ мірѣ есть одинъ изъ основныхъ вопросовъ всей философіи; понятіе вѣшняго міра лежитъ въ сѣредѣ области психологіи, метафизики и гносеологіи: въ каждой изъ этихъ наукъ оно разсматривается съ различныхъ точекъ зрѣнія и въ разныхъ отношеніяхъ. Слѣдуя завету великаго основателя психологіи Джона Локка и держась его «историческаго метода» (какъ онъ самъ его называетъ), мы въ предстоящемъ изслѣдованіи будемъ оставаться въ области психологіи и ставимъ себѣ цѣлью не что иное, какъ возстановити *исторію* или психогенезисъ понятія вѣшняго міра; другими словами, мы желаемъ выяснитъ себѣ тотъ путь, какимъ разумъ нашъ приходитъ къ признанію какаго-то «нѣчто», которое лежитъ внѣ моей души или моего «я», и опредѣлитъ тѣ психическіе элементы, изъ которыхъ это понятіе вѣшняго міра создается нашимъ мышленіемъ. Для выясненія эволюціи и, такъ сказать, эмбриологіи понятія вѣшняго міра мы воспользуемся въ качествѣ предварительныхъ понятій категоріями *единого* и *многаго*.

2. Въ своей книгѣ «Бытіе индивидуальное и бытіе координальное» мы представили психогенезисъ или психологическую исторію происхожденія категорій *единого* и *многаго* (индивида и координаціи) Законъ эмпирической психологіи о нераздѣльности и несліянности актовъ сознанія получаетъ въ этихъ двухъ категоріяхъ свое наивысшее философское толкованіе. Всякій элементъ сознанія остается тождественнымъ самъ собою и самобытнымъ, отнюдь не смѣшиваясь съ другими элементами. Но онъ же не можетъ проявляться одинъ, самъ по себѣ, безъ другихъ. Никакой элементъ сознанія не можетъ существовать внѣ общей психической связи сознанія, внѣ души, которой онъ принадлежитъ. Все это — факты непосредственнаго опыта, непосредственнаго сознанія, факты, наличность которыхъ и констатируется упомянутымъ закономъ нераздѣльности и несліянности. Въ непосредственномъ сознаніи самобытные элементы переживаются нами не иначе, какъ въ ихъ связности и нераздѣльности. Но въ мышленіи ~~эти~~ самые элементы могутъ быть какъ бы отвлечены, изо-
смлены, выхвачены изъ ихъ непосредственной, реальной психической ко-

ординации и из хронологической связи — одномоментальности и последовательности. В мысли, группирующей свои объекты по логическим (а не хронологическим) основаниям, элементы сознания могут быть соединяемы в свои, особенные комбинации, независимо и от первоначальной, живой ассоциации этих элементов с другими, и от проявления этих элементов в тот или другой момент времени.

Понятие *индивидуального бытия* символизирует собою то свойство живого, непосредственного сознания, что оно может быть (не забудем: в мысли) представляемо разложенным и разединенным, а каждый элемент его — единым по себе и обособленным.

Понятие *координального бытия* показывает, что сознание, не смотря на способность мышления отвлеченно разлагать и расчленять его, остается по себе всетаки полным и живым бытием, и что все отдельные элементы нематериально-реально связаны во-едино, в единое сознание или в одну душу.

Таким образом: многого нет без единого или без единиц (индивидов), из которых это многое состоит, и которых совокупность или координация оно собою составляет. Но и единого нет без многого или без многих других единиц, без координации: единое проявляется и реально существует в сознании только в координации со многими другими единицами (индивидами), с другими элементами сознания; индивид не бывает без или вне координации. Индивид и координация — понятия *соотносительные* (коррелятивные), — понятия, которые возникают отнюдь не порознь друг от друга но всегда нарождаются разумом вместе и на-ряду друг с другом. Одного понятия нельзя употреблять, не вызывая вместе с тем и другого.

И без понятий индивидуального и координального (общего) мы ничего не можем понять и объяснить ни в душе, ни в мысли. Все, что является в сознании, все, что есть, что существует, есть бытие — и притом, либо бытие индивидуальное, либо бытие координальное.

3. Мысль раздвигает или выхватывает в отвлечении отдельные элементы сознания и поставляет их в новые взаимоотношения; она творит из них свои особенные, еще небывалые единства. Своею характеристикою деятельность мысли вообще имеет: *раздвинение* и *соединение*. Если одною соотносительною точкой принять живое сознание в его реальной совокупности и ненарушимой целостности (причем, однако, каждый элемент сознается обособно), т. е. другими словами, если возьмем *бытие*, а в качестве второй соотносительной точки возьмем *самое мышление* — либо со стороны его способности к раздвинению, либо со стороны его свойства группировать раздвиненные бытие и абстрактные элементы новыми способами, по своему, то мы сразу получим два *соотносительных* понятия: в первом случае — *индивидуальное бытие*, а во втором — *координальное бытие*.

Через частое употребление и приятие эти две категории разума, подобно всем прочим, легко абстрагируются от своих первоначальных пон-

хических корней и получают значение общее, абстрактное. Их нехотенезис утрачивается и подвергается забвению; такъ бываетъ и съ исторіею всѣхъ наивысшихъ категорій, способъ выработки которыхъ возстановляется лишь усиленными философскаго анализа.

4. Чтобы приготовить болѣе обширное, *общепсихологическое* примѣненіе категорій индивида и координаціи, надо сначала пересмотрѣть всѣ случаи ихъ употребленія въ сферѣ ихъ зарожденія, въ сферѣ чисто-психологической.

I. Всѣ отдѣльные *элементы*, сразу нами сознаваемые, координируются въ единство *момента* сознанія или одного «теперь».

II. Всѣ отдѣльные *моменты* сознанія или отдѣльныя «теперь» координируются въ единство *ряда* или *единой*, дѣющейся душевной жизни (единого «потока сознанія» или индивидуальной исторіи).

III. Отдѣльное, самостоятельное, непосредственно сознаваемое «я» координируется въ каждомъ моментѣ сознанія—со всѣми наличными своими функциями, или со всѣми прочими элементами сознанія, которые вмѣстѣ съ этимъ «я» составляютъ данный моментъ или данное «теперь».

IV. «Я» *внѣ* моментовъ времени и *внѣ* всего ряда этихъ моментовъ *безвремени* координируется со всѣми своими актами, какіе появлялись, появляются и могутъ еще появиться въ его жизни, въ различные моменты времени. Эта координація «я» со всѣми его наличными, и прошлыми, и возможными функциями или абстрактная сумма всѣхъ возможныхъ актовъ сознанія именуется *душою* (или индивидуальнымъ понятіемъ).

V. Отдѣльные элементы непосредственнаго сознанія координируются въ единство *образа*: а) образа простого (представленія), б) образа фантазіи, в) образа эстетическаго или художественнаго.

VI. Отдѣльные элементы сознанія, какъ первичнаго, такъ и вторичнаго, соединяются въ единства логическія или *понятія*.

VII. Отдѣльныя понятія въ свою очередь могутъ въ мышленіи вновь группироваться между собою—и по приложеніи къ нимъ новыхъ точекъ зрѣнія образовывать новыя понятія высшаго порядка.

Таковы всѣ возможные случаи *психологическаго* примѣненія категорій индивидуальнаго и координальнаго.

Индивидуальными подаются въ мышленіи:

I) «я» или непосредственное самосознаніе.

II) всякій элементъ сознанія по отношенію: а) къ «я», которому онъ принадлежитъ, б) къ себѣ подобнымъ, другимъ элементамъ, в) къ единству момента (ассоціаціи), г) къ блокушной душѣ.

III) Всякій элементъ непосредственнаго сознанія по отношенію къ единству образа, куда онъ входитъ, какъ деталь.

IV) Всякій элементъ и непосредственнаго, и опосредствованнаго сознанія по отношенію къ единству понятія, при построеніи котораго онъ послужилъ матеріаломъ.

У) Всякое отдельное понятие по отношению къ высшему понятію, при генезисѣ котораго оно было либо одною изъ соотносительныхъ точекъ, либо точкою зрѣнія.

Координальное примѣняется, какъ:

- I) единство момента сознанія (момента времени или одного «теперь»);
- II) единство «потока сознанія», или единство ряда моментовъ «сознанія» (единство душевной жизни въ ея протяженіи);
- III) душа;
- IV) единство образа;
- V) единство понятія.

5. Не забудемъ, что при всѣхъ указанныхъ случаяхъ примѣненія категорій индивидуальнаго и координальнаго — мы вращаемся все лишь въ области *психологич.*, т. е. мы не выходимъ за предѣлы собственной души и не касаемся ничего, что лежало бы внѣ души.

Въ этойъ высокому значенію психологич., какъ пропедевтики или «органа» для онтологич. (иначе называемой первой философич.), и заключается характерная особенность философич. новаго времени или философич. *критической*, которая со времени Декарта единственное непоколебимое бытіе признала въ сознаніи философич. своего «я». Прѣжняя идеалистическая или универсалистическая метафизика, игнорируя живую, индивидуальную душу, искала подлиннаго бытія прямо въ міръ, стремилась выдѣлать изъ міра лежащую въ глубинѣ его субстанцію, какъ идею или мировую сущность. Критическая метафизика, основываясь на предварительномъ анализѣ знанія и убѣдившись въ несостоятельности идеализма, отказывается отъ тщетныхъ мечтаній вызнать субстанцію въ міръ, но возвращается къ единственному живому и реальному источнику всяческаго, къ «я» съ его функциями, къ душѣ. Такимъ образомъ психологич., какъ наука о душѣ, и дѣлается краеугольнымъ камнемъ всей философич. А то, что не есть «я», или наша душа, — то, что существуетъ помимо и кроме него, или, какъ мы привыкли выражаться въ философич. «они» «я», т. е. такъ называемый «внѣшній міръ» (міръ трансубъективный, лежащій за предѣлами субъекта), этотъ міръ можетъ быть познанъ только исходя изъ единственнаго твердаго нашего опорнаго пункта, изъ «я». По естественному порядку въ познаніи мы, переходя отъ болѣе извѣстнаго (а *certioribus*) къ менѣе извѣстному, должны имѣть точку опоры и установившись на ней прочно, можемъ идти въ познаніи далѣе: а что же можетъ быть намъ ближе и лучше извѣстно, какъ не наше собственное «я»?

Итакъ, изъ познанія «я» и его актовъ, т. е. изъ познанія души, изъ психологич. долженъ исходить въ своемъ познаніи всякій критическій философич. Психологич. въ естественномъ порядкѣ философич. дисциплинъ (филос.) предшествуетъ «первой философич.» или онтологич.

Теперь, когда мы уже изучили психологическое примѣненіе категорій индивидуала и координации, когда мы опредѣлили ихъ значеніе для изученія

души, можем мы съ увѣренностью, и стоя на неизблемой точкѣ зрѣнія, слѣдить за дальнѣйшей судьбой нашихъ двухъ категорій, за тою ролью, какую онѣ играютъ въ общей исторіи человѣческаго знанія.

6. Мы отказались отъ догматическаго, докритическаго жеззанія внѣшняго міра. Мы осторожно и предусмотрительно приостановились въ предверіи истинной и научной философіи; мы занялись сначала изученіемъ «самого себя», своей души. Но какъ же намъ двинуться въ философіи дальше? Какъ намъ выступить изъ предѣловъ своей души, какъ переступить эти границы—и перейти къ изученію міра «не-я», міра трансубъективнаго? Первое требованіе критики: изучить сначала то, что намъ ближе, доступнѣе, а именно, свою душу, нами выполнено. Но какъ поступать далѣе? Какъ начать познавать внѣшній міръ уже не догматически, но научно-философски, удовлетворяя требованіямъ критики въ безупречной степени?

Вотъ фатальный вопросъ для всякой критической философіи. Какъ отъ «я», отъ души, перейти къ міру и къ «не-я»? Гдѣ мостъ, соединяющій эти два рода бытія—душу и міръ? Что такое этотъ внѣшній или трансубъективный міръ? Точно ли еще существуетъ таковой? Почему и какъ мы объ немъ знаемъ? Откуда и какимъ образомъ возникаетъ у насъ въ душѣ самое понятіе «не-я» или идея, кромѣ субъективнаго міра? Вотъ тотъ порогъ, передъ которымъ въ смущеніи и робко останавливается философъ, твердо усвоившій себѣ приемы философской критики и добросовѣстно желающій имъ слѣдовать...

7. Передъ этимъ роковымъ порогомъ, къ внѣшнему міру—среди кружка философвъ, досель единодушныхъ, пока дѣло шло объ отверженіи догматическихъ предразсудковъ и о необходимости душу изучить равнѣе, чѣмъ внѣшній міръ, обнаруживается довольно рѣзкое разномысліе. Одни желаютъ быть людьми положительными (*позитивными*): имъ надобна всякая діалектика; какъ пустая и безрезультатная игра въ понятія—и они уже и слышать не хотятъ ни о какой метафизикѣ. Пора же наконецъ перестать терять время и силы, тѣшить себя фантазіями! Нужно заняться дѣломъ и настоящею наукой, т. е. эмпирией: здѣсь, по крайней мѣрѣ, факты и точные методы; здѣсь можно предметъ посмотреть, понюхать, взять въ руки, взвѣсить, измѣрить и т. д. Строгіе методы и тщательно проверенные факты, да безпристрастное, свободное отъ метафизическихъ бредней сужденіе, здравомыслящаго ученаго дадутъ въ концѣ концовъ безупречно-критичное познаніе того, что возможно познать. Того же, что познать невозможно, т. е. сущности вещей въ мірѣ, и касаться нечего.

Здѣсь конецъ и гибель философіи, изъ которой терпимо остается одна лишь психологія,—да и та лишь постольку, преимущественно, поскольку къ ней приложимы методы наблюденія и опыта.

8. Философъ можетъ поступить столь же рѣшительно, но только въ другую сторону. Можно, оставаясь въ предѣлахъ души или собственнаго своего сознанія, вовсе не выходить въ своемъ познаніи за эти предѣлы,—а просто

объявлять внѣшній міръ *не существующимъ*, т. е. начисто отвергнуть бытіе чего бы то ни было, *отъ* моего сознанія, отвергнуть все, *крѣмъ* своего «я», *крѣмъ* своей души. Если за предѣлами души *ничего* нѣтъ, тогда, значить, и переходятъ *некуда* и *незачѣмъ*. Тогда нечего познавать *отъ* нашего сознанія—и всѣ трудности проблемы упразднены однимъ почеркомъ пера, какъ въ-когда запутанный узелъ Гордіевой колесницы распался отъ одного замаха острого оружія. Но что было удѣстно въ солдатѣ и въ цѣляхъ покоренія всей Азии, окажется ли удобнымъ для философа при рѣшеніи вопроса о внѣшнемъ мірѣ?

9. Мы изобразили точку зрѣнія *солипсизма* или *монизма*, какъ его называли въ XVIII в. (*ego, solus, ipse*). Солипсизмъ не признаетъ иного бытія, *крѣмъ* «я», *крѣмъ* моего сознанія—и есть одна изъ самыхъ «страшныхъ» философскихъ ересей. И въ философіи, несмотря на всю ея кажущуюся безобидность, есть свои страхи и ужасы, передъ которыми цѣпеняютъ и трещатъ смѣлѣйшіе философы. Но самый этотъ непреодолимый страхъ не указываетъ ли на чрезвычайную крѣпость и неприступность философской позиціи солипсизма? И точно: солипсизмъ боится признавать, боится даже подиатъ подъ окомъ только подозрѣніе въ солипсизмѣ; философы *стыжась* признавать внѣшній міръ и безъ дальнѣйшихъ разсужденій откидываютъ солипсизмъ, какъ *неподозрѣніе* ошибочное. Но былъ ли хоть кѣмъ нибудь солипсизмъ философски критически опровергнутъ? *Сознавая* свое бессиліе, *Шопенгауеръ* считаетъ солипсизмъ за болѣзнь и предлагаетъ солипсизмовъ, буде гдѣ таковые окажутся, лечить въ психіатрическихъ больницахъ. Но вѣдь ругательство и насмѣшка не есть еще доказательство.

10. Желаніе во что бы то ни стало сохранить внѣшній міръ, но вѣстись съ тѣмъ оставить за собою и критическую точку зрѣнія—приводитъ къ компромиссу. Проводится рѣзкая и ничѣмъ не заволакиваемая грань или ровъ между «я» и душой, съ одной стороны, — и міромъ, съ другой. «Я» — *де само по себѣ*, а вещи внѣшняго міра опять-таки сами по себѣ. То, что примѣнимо къ душѣ, *непримѣнимо* къ міру внѣшнихъ вещей. Категорій, нѣблющихся въ душѣ, не обладаютъ значеніемъ для трансубъективнаго міра.

Знѣнннхъ здѣсь встаетъ, что такой разрывъ между душой и міромъ обусловливается, между прочимъ, еще и тѣмъ, что «внѣшній» міръ у философовъ этой школы понимается исключительно, какъ міръ *матеріальный*, міръ тѣлесный. Эта матеріализація внѣшняго міра есть *безсознательная* (хотя и непростительная) уступка грубо-наивному, до-научному пониманію людей, — уступка, для «критическаго» философа ничѣмъ не объяснимая — тѣмъ болѣе, что для нея нѣтъ не только никакой логической-принудительной необходимости, но даже нѣтъ и вовсе никакого основанія. Критическая философія въ правильномъ ея развитіи, какъ мы увидимъ ниже (§ 26), даетъ переходъ не отъ души къ бездушнымъ вускамъ матеріи и къ тѣламъ, но отъ души къ *духамъ* же.

Разъ обмѣнилась на пути критической методы, характеризуемая нами школа

попадаетъ, какъ и нужно было ожидать, въ дальнѣйшия трудности, а именно: приходится разыскивать пропавшую душу. Сама же эта школа материализовала внѣшній міръ, сама противопоставила душѣ, своему «я» — матеріальныя внѣшнія вещи; а потому спохватываются, что, допуская уже разъ внѣшній міръ вообще, мы кромѣ тѣла, допускаемъ въ томъ числѣ вѣдь и чужія, другія души, съ какими встрѣчаемся и какія принимаемъ въ не проверенномъ философскою критикою опытѣ. Да гдѣ же души? Ихъ не видно за тѣлами! И приходится идти на поиски вчерашняго дня, т. е. искать то, что у насъ уже было въ рукахъ, но что мы утратили — и безвозвратно! Дѣйствительно, сойдя съ колеи строгаго критицизма и угризиши въ наивномъ материализмѣ, мы никакъ не можемъ разыскивать иныхъ души, кромѣ собственной (ищущей и ничего не обрѣтающей)... Мы напрасно пытаемся одухотворить и одушевить внѣшній міръ, который мы сами же умертвили. Мы не можемъ вдохнуть души въ безжизненныя тѣла...

11. Отвергнувши отъ души внѣшній міръ, сдѣлавши его тѣлеснымъ и матеріальнымъ, заблудшии критицизмъ отвергаетъ примѣнимость категорій, имѣющихъ силу для душевнаго строя, примѣнимость ихъ къ тому, что находится внѣ души. Но вѣдь такой критицизмъ, однако, самъ признаетъ, что этотъ внѣшній міръ существуетъ. Да не только существуетъ онъ, но мы и постоянно находимся въ непрерывномъ съ нимъ общеніи. Значитъ, какъ-то мы всетаки да познаемъ его, если не критически-научно, то, по крайней мѣрѣ, настолько, сколько намъ нужно для удовлетворенія житейскихъ потребностей и для правильного ориентированія среди этого загадочнаго, иного міра. А такъ какъ притомъ другихъ какихъ-либо категорій, — категорій специфическихъ, годныхъ специально лишь для познанія одного только внѣшняго міра, у насъ не имѣется, то, очевидно, мы обходимся какъ-то съ тѣми необходимыми категоріями, которыя мы выработали себѣ на матеріалѣ *интроспективно*; значить, съ помощью этихъ обычныхъ категорій мы не только познаемъ свой внутренній міръ, но и приходимъ къ нѣкоторому познанію трансубъективнаго міра. Дѣло критической философіи объяснить, какъ это происходитъ; дѣло сего уже имѣющагося, хотя бы и недостаточное познаніе внѣшняго міра просвѣтить, очистить, возвысить. Въмѣсто того разсматриваемое нами направленіе дозволяется болѣе скорою и немудрой работой: оно начисто бракуетъ обычное познаніе и пускаетъ его на смарку.

12. Такое отношеніе къ наивному, до-критическому воззрѣнію на міръ весьма несправедливо: вѣдь изъ него то именно данный родъ критицизма и проистекъ какъ самое понятіе внѣшняго міра, такъ даже его матеріальность или тѣлесность. Наивное воззрѣніе, не мудрствуя и безъ разсужденія, принимаетъ трансубъективный міръ на вѣру. Неострогий критицизмъ, признавая внѣшній міръ существующимъ, но не познаваемымъ, одаряетъ насъ, однако, невѣдомо откуда взятыми двумя свѣдѣніями: 1) что внѣшній міръ вообще существуетъ, и 2) что онъ непознаваемъ обычнымъ путемъ, т. е. при-

ложениемъ къ нему психологическихъ категорій интроспективного міра. Спрашивается, почему же? Логически-убѣдительнаго отвѣта на это мы не слышимъ, да его и не можетъ быть, ибо осторожный критицизмъ, подавленный вліаніемъ грубаго, наивнаго догматизма, путается въ своихъ основаніяхъ. Мы указали выше (§ 10), что эта непознаваемость внѣшняго міра и его разнородность съ «я» или душою есть компромиссъ, протекающій отъ того неумышленнаго но некритическаго заимствования, будто внѣшній міръ есть совокупность матеріальныхъ тѣлъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о разнородности внѣшняго міра съ душою и вопросъ о вытекающей отсюда непознаваемости его, какъ вопросы поднятыя *преждевременно*, и притомъ, не относящіеся къ психологій (здѣсь же рѣшенные произвольно и совершенно не научно), мы обратимся къ болѣе существенному.

13. И критицизмъ въ томъ видѣ, какъ мы его только что изобразили, и солипсизмъ, — оба одинаково оперируютъ однимъ и тѣмъ же понятіемъ, — понятіемъ внѣшняго міра. Обозначимъ его хоть символомъ E (extra). Солипсизмъ отвергаетъ существованіе внѣшняго міра, т. е. относитъ къ нему отрицательно, считаетъ это понятіе ложнымъ; его мнѣніе можетъ быть обозначено, какъ — E. Критицизмъ признаетъ наличность E, утверждаетъ его бытіе, и притомъ такъ рѣшительно, что даже совсѣмъ не вдается въ изслѣдованіе того, насколько наша вѣра въ существованіе E окажется основательною и справедливою, значить, точка зрѣнія критицизма будетъ +E.

Итакъ, у обѣихъ партій, которые въ жестокомъ разномысліи стоятъ у порога внѣшняго міра, не зная, какъ перешагнуть въ него изъ собственной души, понятіе E одинаково; различно ихъ отношеніе къ нему, различны только алгебраическіе знаки, которые они проставляютъ передъ даннымъ понятіемъ E. Но ни солипсизмъ, ни критицизмъ не наследуютъ самаго состава E, не изслѣдуютъ, что это такое, *откуда* и *какъ* оно въ нашемъ умѣ возникаетъ. А въдѣ первую задачу критической философіи, какъ она была формулирована еще Локкомъ, и было именно *исслѣдовать* происхожденіе, origin, нашего знанія, каждаго нашего понятія. Отсюда явствуетъ, что и солипсизмъ, и критицизмъ, оба уклонились съ праваго пути, и что задача *истинной* критической философіи, не заботясь пока о томъ, ставить ли передъ E знакъ + или —, будетъ наследовать, что такое E, откуда оно берется, какія категоріи послужили мышленію матеріаломъ для построенія очень сложнаго понятія E, внѣшняго, или кромѣ-субъектнаго, или транссубъективного міра, или міра «вне-я». Это и есть — задача, которую мы поставили себѣ выше въ § 1.

Поэтому последуемъ естественному развитію понятій, и ставши на границѣ между душою и внѣшнимъ міромъ, прежде всего зададимся вопросомъ, какъ въ нашей душѣ возникаетъ понятіе о такомъ «нѣчто», которое не есть она сама, понятіе о чемъ-то, находящемся за предѣлами нашей души, о томъ, что не есть «я».

14. Весьма важно будетъ теперь для насъ выяснить, точно ли и без-

условно ли «не-я» совпадает с понятием транссубъективного или внѣшнего міра. Нарождается ли понятие объ атомъ «нѣчто», особомъ и отдѣльномъ отъ нашей души,—понятие того, что не есть «я» только *амисть* съ диалектическимъ переходомъ отъ души къ внѣшнему міру? Не возникла ли эта категория еще *раньше*, не имѣется ли она еще въ психологии, не встрѣчается ли она при изученіи души? Не находила ли она себя примѣненія еще «внутри», когда еще и рѣчи не заходило о существованіи чего бы то ни было, имѣющаго мѣсто за предѣлами нашего сознанія, нашей души?

15. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся ретроспективно въ психологию, къ проблемѣ о генезисѣ категоріи «я», о чемъ подробно изложено у меня въ книгѣ «Бытіе индивидуальное и бытіе координальное», во II главѣ, особенно, на стр. 41—47. Ходъ мысли былъ слѣдующій.

Въ соотновленіи съ ходячимъ мнѣніемъ позитивистическихъ психологовъ мы готовы были допустить (§ 8 и 15 тамъ), что и-понятие «я» есть понятіе ложное или фантомъ; но всякій фантомъ, какъ сложная психологическая группа высшаго порядка, символизируетъ или скрываетъ за собою объединенные имъ *реальные* психическіе первичные элементы непосредственнаго сознанія. Отсюда для критическаго философа, отыскивающаго прежде всего происхожденіе нашего знанія, вырастаетъ психологическая задача: выискать именно тѣ *элементарные* акты сознанія, изъ которыхъ составилаь сложная идея «я».

Установивши методу изслѣдованія, и слѣдуя ей, мы находимъ, что ни одна изъ отдѣльныхъ группъ первичныхъ элементовъ сознанія (чувствованія, ощущенія, движенія и т. д.), ни какое-либо специфическое соединеніе этихъ группъ, ни, наконецъ, всё онѣ вмѣстѣ, въ своей совокупности не могутъ сами по себѣ послужить матеріаломъ для образованія идеи «я». «Я» производить всё эти функціи, связывается съ ними, но ими вовсе не исчерпывается: онѣ не составляютъ самаго его ядра. Въ совокупности всѣхъ возможныхъ функцій души, всѣхъ явленій непосредственнаго сознанія мы усматриваемъ лишь *одну* изъ тѣхъ пунктовъ, соотнося которые мы получаемъ понятіе «я». Функція «я» не суть самое «я».

16. Соотносить можно лишь *два*, по меньшей мѣрѣ, элемента. Одинъ пунктъ нами уже разысканъ. Нужно теперь отыскать еще одинъ, который *ex thesi* долженъ быть тоже непременно элементомъ непосредственнаго сознанія. Такъ какъ первымъ пунктомъ мы уже исчерпали *всю* область явленій первичныхъ, то намъ остается лишь въ дополненіе къ перечисленнымъ постулировать еще *одну особую* область первичнаго сознанія, а именно постулировать «я», какъ особый специфическій пунктъ элементарнаго сознанія.

Существованіе такого элементарнаго пункта, *самосознанія* или непосредственнаго сознанія своего «я» (открытое въ исторіи философіи впервые Декартомъ) известно каждому изъ его личнаго опыта и, кромѣ того, подтверждается разными научными соображеніями и доказательствами. Такимъ образомъ (§ 43) самосознаніе въ психологіи определяется, какъ *единный элементъ*

непосредственного сознания, непременно соотносящейся с каждым, без исключения, другим элементом сознания, или как единый, общий соотносительный пункт для всякого иного душевного бытия.

17. Итак, психологическая история образования категории «я» поучает нас, что мышление образует эту идею, соотнося с одной стороны: 1) совокупность всех явлений души, которая не есть «я» — и с другой, 2) элементарное самосознание или самое «я». Как видим, еще при образовании первой психологической категории, именно, категории «я», мы уже принуждены были «я» как пункт непосредственного сознания, как нечто особое, выделить из всей совокупности остальных душевных явлений, которая не есть «я». Соотнося дальше (сначала постулированный, потом доказанный в личности) пункт самосознания или непосредственно сознаваемое, элементарное «я» — с одной стороны, и соотнося с «я» с другой стороны все остальные данные непосредственного сознания — с точки зрения их различия мы получаем новую категорию, а именно категорию «не-я», показывающую или служащую в мышлении символом того, что среди непосредственного сознания есть особого рода бытие, которое не есть «я» и от него отличается (тѣмъ, что «я» необходимо присутствует во всякое «теперь» или в каждом моментѣ сознания, все же остальные моменты сближают друг друга во времени и вообще без координации с «я» не могут проявляться).

18. Итак, категория «не-я» не совпадает с категорією трансубъективного или высшего міра. Въ естественномъ порядкѣ познания понятие «не-я» возникаетъ раньше, «не-я» по логической своей природѣ предшествуетъ категоріи высшего бытія. Соответственно измѣненіямъ понятія «я» измѣняется и понятіе «не-я». Если наивное мировоззрѣніе считается за «я» тѣло, то «не-я» будутъ все остальные тѣла, кромѣ нашего собственнаго тѣла. При вслѣдственномъ пониманіи «я» и «не-я» окажется тоже душевнымъ бытіемъ. Какъ выяснилось изъ нашего изслѣдованія нужно строго различать две категоріи, которыя совершенно отличаются другъ отъ друга и по своему логическому положенію, и по характеру составныхъ элементовъ, и по сферѣ своего приложенія: I) психологическая категорія «не-я» (совокупность душевныхъ явленій въ ихъ противоположности самосознанію или непосредственному сознанію «я»), и II) метафизическая категорія «не-я» (высшій міръ въ его противоположности къ мыслящей и дѣйствующей душѣ).

19. Разобравшись въ психологическомъ смыслѣ категоріи «не-я», обратимся къ рассмотренію трансубъективнаго смысла категоріи, носитель то же имя или еще чаще называемой «высшимъ міромъ».

«Не-я» прежде всего (въ психологіи) обозначаетъ совокупность всехъ психическихъ функций въ ихъ противоположности къ своему обладателю — самосознанію. «Не-я» въ трансубъективномъ смыслѣ такъ же, по крайней мѣрѣ, формально, какъ видимъ, противопоставляется какому то «я». Но въ данномъ случаѣ, очевидно, берется не то первоначальное, непосредственно сознаваемое

«я», какъ въ первомъ случаѣ, а цѣкое иное «я», — «я» въ болѣе обширномъ смыслѣ.

Какое же это «я»? Что разумѣется подъ «я» въ этомъ второмъ случаѣ, когда ему противопоставляются уже не его собственные функціи въ ихъ совокупности и связности, а нечто *чужое*, абсолютно ему не принадлежащее и «внѣшнее»?

20. Противопоставляя «я» его собственнымъ функціямъ, мы не должны забывать, что это противопоставленіе, это разъединеніе совершается лишь *in abstracto*, только въ мышленіи. Реально-психически «я» никакъ не отдѣлимо отъ прочихъ явленій сознанія: «я» никогда не бываетъ бездѣйтельнымъ, т. е. безъ функцій; еслибы не было въ сознаніи сдѣляющихся явленій, то мы не могли бы совершать жизни, т. е. мы бы не жили во *времени* и остались бы при одномъ безвременномъ «я». Въ свою очередь, и ни одно явленіе сознанія не можетъ проявиться безъ связи съ «я», потому что иначе оно было бы *ничѣмъ*, т. е. не принадлежало бы ничему, или было бы порождено *нужемъ*, что уже есть абсурдъ, ибо отъ небытія не можетъ произойти никакого бытія. Итакъ, и «я», и психическое его «не-я», связаны нераздѣльно и соотносятся другъ съ другомъ, какъ нечто родственное и взаимно другъ другу необходимое. И «я» и «не-я» есть одинаково бытіе, есть нечто однородное; они принадлежатъ единому сознанію и образуютъ психическое единство. Сотнося эти двѣ категоріи: 1) «я» и 2) «не-я» съ точки зрѣнія ихъ однородности и психической неразрывности, мы получаемъ въ мышленіи новую категорію: *Фуху* или *душу*. Эта категорія *душа* (или «я» въ болѣе широкомъ смыслѣ) обозначаетъ слѣдующее: хотя при научно-психологическомъ анализѣ мы и выделяемъ непосредственное самосознаніе изъ среды *всѣхъ* прочихъ явленій сознанія (какъ элементарныхъ, такъ и сложныхъ), но это элементарное «я» неразрывно связано съ явленіями сознанія и въ тѣсной координаціи съ ними образуетъ единство, которое и символизуется вновь найденною категоріею «душа». Душа есть координатное бытіе по отношенію ко *всѣмъ* индивидуальнымъ бытіямъ, т. е. отдѣльнымъ актамъ сознанія, какъ то, «я», чувстваваніямъ, ощущеніямъ, движеніямъ, понятіямъ, образамъ фантазіи и т. д.

21. Мы получили категорію души. Нужно помнить, что душа известна намъ пока въ одномъ, нашемъ собственномъ экземплярѣ; наша душа есть *unicum*. Мы знаемъ лишь собственную душу, одну ее; мы знаемъ или, вѣрнѣе, непосредственно сознаемъ наше собственное «я» и его явленія, неразрывно съ ними связанные. Это новое координатное бытіе, какъ и всякое другое новое понятіе, захватывая собою соотносительные пункты, связь которыхъ оно символизируетъ собою, получаетъ въ мышленіи значеніе отдѣльности, особенности, индивидуальности. Т. е. другими словами понятіе души въ разумѣ становится единымъ значеніемъ, *индивидуальнымъ* бытіемъ, которое, какъ и всякій другой индивидуаль, можно соотносить съ другими соотносительными пунктами и, связывая съ ними, образовывать еще высшія и болѣе сложныя категоріи.

22. Ничто не прекращает работы мыслящего разума. В диалектическом развитии понятий от одного к другому, от одной категории к другой, мысль охватывает своим съемом разнообразны сферы бытия или сознания.

Наконец, как мы видели, разум выработал одну наивысшую категорию, с помощью которой он охватывает все непосредственно сущее, *все сознание*. Эта категория есть «душа», в объем которой входит, как «я», так и *все «не-я»* (в психологическом смысле). Даже можно сказать больше: охвачено не только бытие, но и самое *небытие*, ибо «я» не есть его функция, т. е. «я» есть *небытие* функций, или «я» не есть «не-я»; равным образом, и функции не суть «я», т. е. функции суть *небытие* «я», или суть «не-я». Итак и бытие, и небытие (поскольку последнее существует in abstracto, в мысли: в духе *реально* небытия нет, небытие не существует, а есть лишь бытие, сознание) равно заключаются и охватываются в категории души. Но может ли на этом остановиться творческая работа мысли над созданием истины? Здесь ли предвзят ея, чрез который она не перейдет? Прекратится ли отныне в разум создание новых категорий?

23. Полученное нами наивысшее *психологическое* единство—душа, как мы сказали, подобно всякому другому понятию, будучи само по отношению к предшествующим категориям — бытием координальным, при дальнейшем употреблении терчет связь со своими соотносительными пунктами, отрывается, так сказать, от истока своего образования и становится для разума простою единицей: она обращается в бытие индивидуальное. Вследствие понятия души даже принимается в глазах философов специфическую окраску индивида, единицы или *монады* и даже конец считается *титлом* всякаго индивидуальнаго бытия. Забывают даже, что индивидуальное бытие не есть одна только душа, что это вовсе не сиюминутно, что это не равносильная и не равнозначущая понятия. Упускают из виду, что с точки зрения психологии всякий акт сознания столь же индивидуален, что именно последний то и есть в порядке развития понятий первоначальный *прототип* всякаго индивидуальнаго бытия. История происхождения категорий индивида и координации утрачивается; между тем эти обе категории означают собою качества именно элементарнаго сознания, а не сложных психических продуктов, каковы понятия вообще и в частности понятие души, о котором идет речь. Категории индивида и координации прилагаются к высшим идеям в своем позднейшем и переносном смысле.

24. Таким образом душу мышление начинает принимать за индивидуум *par excellence*. О других родах индивидуальнаго бытия, об иных случаях применения этой категории, перечисленных выше (§ 4), забывают. Для дальнейшей работы мысли, для создания новых, высших и более широких по объему категорий эта индивидуализация души, это превращение ея в монаду имеет громадное, решающее значение.

Категории индивидуальнаго и координальнаго бытия мы получили при

разсмотрѣнии нераздѣльности и неслаянности явленій сознанія. Мы видѣли, что въ живомъ сознаніи нѣтъ единого *безъ* многаго, т. е. безъ другихъ, и нѣтъ многаго (или многихъ), т. е. совокупности сознанія безъ единого, т. е. безъ индивидуальныхъ элементовъ сознанія: эти двѣ категоріи требуютъ другъ друга при примененіи одной изъ нихъ. Пока мы вращались въ предѣлахъ собственной души, въ области живого сознанія, которое распадается (въ нашемъ мышленіи) на отдѣльные моменты, въ свою очередь опять состоящее изъ особыхъ элементовъ, связанныхъ въ одну координацію, все шло правильно. Мы безпрепятственно могли работать обѣими категоріями — и единымъ (индивидомъ) и многимъ (координаціей).

25. Теперь мы въ постепенной эволюціи нашихъ идей какъ будто наткнулись на нѣкоторое препятствіе. Образована наивысшая, послѣдняя категорія, охватывающая собою все сознаваемое нами, всѣ психическіе акты. Получена одна большая единица — «душа» или «я» въ обширномъ смыслѣ («я», какъ элементарное самосознаніе, + всѣ его функціи). Мы спрашивали себя (§ 22), можно ли идти дальше.

Разумъ не можетъ остановиться; не можетъ прекратиться работа мышленія, пока имѣются въ немъ категоріи, разнымъ комбинированіемъ которыхъ можно придти къ построенію новыхъ логическихъ единствъ. Въдѣ на этомъ только основаніи и можемъ мы допускать прогрессъ всякаго знанія, всякой науки — и въ томъ числѣ психологіи.

Отвергая непрерывную эволюцію идей, нельзя не разувериться въ наукѣ, нельзя убожать отъ безнадежнаго скептицизма.

26. Имѣя съ одной стороны категорію «души», какъ рѣзко обособленнаго единства, а съ другой располагая готовымъ уже и не разъ примененнымъ закономъ психологіи о взаимосвязности категорій единого и многаго, мышленіе соотноситъ эти два пункта и приходитъ къ новой категоріи. Единое, единица не можетъ быть безъ многаго или безъ другихъ единицъ. Другими словами, душа, какъ единое, по закону психологіи заставляетъ мышленіе самою своею индивидуальностью признать существованіе многаго или многихъ, признать существованіе координаціи. Душа, какъ единое, требуетъ въ естественномъ ростѣ понятій много душъ. Наряду съ понятіемъ нашей собственной души въ мысли появляется понятіе *многихъ* другихъ душъ, такихъ же, какъ наша первый, и бывшій ранѣе единственнымъ, экземпляръ, какъ наша собственная душа, послужившая прототипомъ для созданія другихъ душъ.

Соотнося категоріи души и многаго съ точки зрѣнія единого, разумъ приходитъ къ созданію понятія *плюралистичности индивидуальныхъ душъ*. Многія, другія души, созданныя этимъ оборотомъ мысли, не суть наша душа, наше «я»; онѣ суть для послѣдняго нѣчто абсолютно чуждое, находящееся *оумъ* или за предѣлами нашего сознанія, онѣ не суть «я». Такимъ образомъ, и «я» метафизическому, «я», какъ душѣ (въ обширномъ смыслѣ) противопоставляются другіе или чужіе «я», составляющіе для нашего «я», въ своей совокупности — его метафизическое «не-я» (ср. § 19).

Мы различали двѣ категоріи «не-я» — психологическую и метафизическую. Психологическое «не-я» было определено выше. Теперь мы можем определять и метафизическое «не-я»: оно есть другая душа, *кроме* нашей души. «Я», какъ пѣлая и единая душа, метафизически противопоставляется — «не-я», какъ совокупности другихъ душъ.

Если «душа» охватывала все проявленія нашего сознанія, все, что принадлежитъ нашему «я», то все остальные души находятся *вне* нашей души, представляютъ для нашей души для нашего «я» (въ обширномъ, метафизическомъ смыслѣ) — нечто *отличное*, это и есть для нашего «я» — *отличный міръ*. Какъ мы общались выше (§ 10) показать, этотъ внѣшній міръ не материаленъ, но состоитъ изъ душъ.

27. Поднимаясь по тропинкѣ въ гору, мы съ перемѣщеніемъ нашихъ точекъ зрѣнія, постоянно получаемъ новыя перспективы и иначе видимъ окрестную мѣстность. Точно такъ же и въ эволюціи понятій мы безпрестанно перемѣняемъ точку зрѣнія или *логическія мѣста* — и *логическій* запасъ своихъ идей видимъ все въ иномъ и новомъ свѣтѣ. До образованія понятія плюралистичности душъ наша душа была для насъ *unicum*, единственнымъ экземпляромъ. Теперь, когда въ мышленіи мы создали много душъ, значеніе нашей души уменьшается: изъ единственной она деградируется только въ *одну* изъ *многихъ* индивидуальныхъ душъ. Но нѣтъ худа безъ добра. Эту деградацию нашей собственной души обуславливается возможность дальнѣйшаго прогресса въ развитіи понятій.

Имѣя съ одной стороны наше «я», нашу душу, а съ другой — подобныя ей, индивидуальные души, составляющія метафизическое наше «не-я», мышленіе соотносить точки зрѣнія *обинаковости* и «я», и «не-я» и объединяетъ ихъ въ одномъ высшемъ понятіи, а именно: «я» въ соотносеніи съ многими, такими же индивидуальными душами объединяется въ координативный міръ. Понятіе міра есть понятіе общаго единства всѣхъ отдѣльныхъ душъ.

По отношенію къ душамъ міръ есть такое же завершающее понятіе, каковыя въ свое время (§ 20) была душа по отношенію къ отдѣльнымъ явленіямъ сознанія. Совокупность всѣхъ душъ, какъ продуктъ мысли, символизуется понятіемъ міра, совокупность элементовъ сознанія символизуется въ разумѣ понятіемъ души.

28. На разработкѣ понятія міра мы можемъ остановиться. Дальнѣйшая эволюція понятій не входитъ въ задачи этого трактата. Мы поставили себя въ § 1 целью продемонстрировать психогенезисъ понятія внѣшняго міра. Мы показали, какъ въ психологии элементарное «я» или самосознаніе противопоставляется «не-я», какъ остальному содержанію сознанія, какъ дагѣ и «я», и «не-я» объединяются въ понятіи души, какъ высшей идей психологии, какъ этой душѣ противопоставляется вторичное «не-я», какъ *кроме* и *вне* нашей души въ мышленіи появляются другія души, внѣшній для моего «я», для моей души міръ, и какъ наконецъ все душа, включая и нашу, снова объединяется въ высшемъ понятіи міра.

Отысканный нами «вышний міръ», или міръ, находящійся внѣ насъ души, есть, какъ мы уже отмѣтили (§ 27), міръ *душъ*. Сравнивая это пониманіе съ тѣмъ пониманіемъ вышняго міра, какимъ мы пользуемся въ нашемъ житейскомъ обиходѣ, мы не можемъ не констатировать рѣзкой разницы: Вышний міръ въ обычномъ, до-философскомъ пониманіи, есть міръ матеріальный, міръ тѣлъ, а не міръ душъ.

Цѣлью дальнѣйшаго психологическаго изслѣдованія должно быть рѣшеніе проблемы о томъ, какимъ путемъ это первоначальное, естественное, инстинктивное или душевое пониманіе вышняго міра превращается въ позднѣйшее, научное пониманіе вышняго міра, какъ матеріальнаго; пужно будетъ прослѣдить процессъ постепенной матеріализаціи вышняго міра. Для этого надо восстановить психогенезисъ понятія *матеріи* и исторію комбинированія этой идеи съ понятіемъ трансубъективнаго бытія. Эти задачи не относятся уже къ предѣламъ нашей нынѣшней статьи и должны стать предметами особыхъ психологическихъ и генеалогическихъ трактатовъ.

Ассоціація сходства.

(Матеріалы къ новѣйшей исторіи вопроса).

А. П. Нечаева.

Уже давно подмѣчено, что споръ нерѣдко можетъ служить хорошимъ средствомъ къ выясненію истины. Это положеніе оказывается особенно справедливымъ по отношенію къ чисто-научнымъ спорамъ, гдѣ каждая сторона заинтересована только искреннимъ желаніемъ установить правду. Въ частности, въ исторіи психологій можно указать много примѣровъ, когда возникавшій между представителями различныхъ взглядовъ споръ являлся исходнымъ пунктомъ для твердаго обоснованія совершенно новой постановки старой проблемы, а иногда и для возникновенія цѣлаго ряда неизвестныхъ прежде научныхъ задачъ. Припомнимъ хотя бы знаменитый споръ номиналистовъ и реалистовъ о природѣ общихъ представленій, споръ Лейбница и Локка о врожденныхъ идеяхъ, полемику Гербарта съ представителями идеалистической школы по вопросу о душевныхъ способностяхъ, и т. д.

Къ числу такихъ же поучительныхъ и плодотворныхъ споровъ, вносящихъ свѣтъ въ современное положеніе затронутаго вопроса, слѣдуетъ отнести споръ объ ассоціаціи сходства, происходившій въ послѣдніе годы между Леманомъ и Гейфдингомъ. Споръ этотъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще совсѣмъ не привлекалъ къ себѣ должнаго вниманія русской психологической литературы, хотя его значительное вліяніе на современные психологическіе взгляды едва ли подлежитъ сомнѣнію.